

АК
353а

В. ИИИМАРЕВ

В. ИИИМАРЕВ

ЕВ 1941_AKS 470

В. ШИШМАРЕВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ЯЗЫКОВ ИСПАНИИ

Ак
353^а

Ответственный редактор акад. И. И. Мещанинов

*Моим ученикам, работаю-
щим в области романской
филологии в нашей высшей
школе и научных учрежде-
ниях.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше знакомство с Испанией можно датировать XVIII в., хотя первый контакт с ней несколько древнее. В XVIII и первой трети XIX в. у нас появились переводы Сервантеса и других испанских писателей, как, напр., Кальдерона, позднее — Лопе де Вега, и посетители наших театров получили возможность познакомиться с произведениями обоих последних авторов на сцене; прежде всего с Кальдероном. В то же время наши музеи и частные коллекционеры начали приобретать полотна Мурильо, Веласкеса и других испанских мастеров кисти. Уже в первую четверть XIX в. русские люди попадают в Испанию, и благодаря их рассказам русское общество знакомится с современной Испанией на основании впечатлений и наблюдений очевидцев. Правда, очевидцы эти были „путешественниками“ особого рода. Н. Бестужев совершил свой „вояж“ (1824) на русском военном судне, среди офицеров которого находился А. П. Беляев, рассказавший нам об этом эпизоде своей жизни в своих „Воспоминаниях“. Пресловутый Ф. Булгарин очутился на Пиренейском полуострове в качестве офицера одной польской части наполеоновской армии. Область наблюдений их была по необходимости ограничена. Но зато Булгарин мог рассказать много о борьбе испанцев с Наполеоном, а Беляев — о революционном движении 1820—1823 гг., которым живо интересовались тогда наши прогрессивные круги и будущие участники 14 декабря 1825 г. Как известно, опыт испанской революции оказал значительное влияние на декабристов, к числу которых принадлежали и Бестужев, и Беляев. Интересные воспоминания последнего появились в свет, правда, много лет спустя после декабрьского восстания; но по ним можно судить о его устных рассказах. „Воспоминания об Испании“ Булгарина печатались в 1821 г. и были изданы отдельной книгой в 1823 г., но в силу того, что автору ее приходилось ослабить впечатление от своей службы во французской армии, он позаботился о большем оживлении описаний борьбы герильеров, о включении в свое изложение подробностей, касающихся страны и ее культуры, благодаря чему его книга охотно читалась у нас в годы увлечений романтизмом. В самом начале 1840-х годов у нас появляется даже „Руководство к изучению испанского языка“, составленное библиотекарем Петербургского университета Яковом Руттом (СПб., 1840). В одном из „отделений“ этой книги мы находим и „краткую историю и литературу испанского языка“. Первый опыт испанской грамматики на русском языке Якова Лангена („Краткая испан-

ская грамматика, расположенная по правилам королевской испанской Академии", Митава, 1811) не выходил за пределы узко практических задач. Рут льстил себя надеждой, что руководство его будет содействовать ознакомлению русского общества со страной, которая „вероятно получит высокое значение в торговом, промышленном и политическом отношении“, и сделает доступной ее „прекрасную литературу“. Тем не менее В. П. Боткин в предисловии к своим „Письмам об Испании“, вышедшим в 1857 г., имел еще полное основание назвать Испанию страной не только у нас, но и вообще „малознаемой“ и поставить себе поэтому целью развернуть перед читателем более широкую картину. Дело, впрочем, не в одной широте программы, а в ее идейном содержании, отражающем революционно-демократические тенденции русской мысли этой поры, на которые не мог не отозваться Боткин, один из друзей Белинского. В этом отношении любопытен и тон дневников А. Н. Веселовского, которые он вел в бытность свою в Испании, куда он направился приблизительно в то же время совсем молодым человеком, едва окончившим Московский университет. Отсюда мы переходим к 60-м годам прошлого столетия.

Веселовский ставит перед собой задачу строго научного изучения испанского прошлого и его литературы. Во вторую половину XIX в. наш контакт с Испанией становится более частым и более тесным. Из интереса к Испании, к ее истории, искусству, литературе и языку исчезают последние следы старого экзотического любопытства, уступая место научному анализу. Наша литература обогащается новыми переводами испанских писателей и драматургов, наша история, история литературы и искусства — новыми критическими исследованиями по Испании. И в то же время на наших сценах все чаще можно видеть пьесы испанского репертуара. На рубеже между XIX и XX вв. у нас появляются специалисты-испанисты, и испанистика входит даже в круг университетского преподавания (проф. Д. К. Петров).

С Великой Октябрьской социалистической революцией наша осведомленность об Испании и интерес к ней становятся еще более широкими и глубокими. Революция не только положила начало ознакомлению с Испанией широких народных масс, как она это сделала и в отношении других стран, но она сообщила научному ее изучению тот размах и те новые идеологические установки, которые изменили в корне характер и направление нашей научной работы вообще. Наша литература обогатилась рядом новых переводов испанских писателей и, между прочим, прекрасным переводом „Дон Кихота“ и „Назидательных новелл“. Все они сделаны с подлинника, в то время как дореволюционные переводы делались зачастую с французского, хотя и выдавались за переводы с оригинала. Рядом с переводами появились критические и исторические статьи и исследования по испанской литературе, авторы которых ставят себе задачей пересмотр литературного наследства испанского народа и его оценок, сделанных буржуазной историей литературы. Та же точка зрения положена в основу недавно изданной у нас „Антологии испанской

литературы". В серии „Истории западно-европейских литератур“, издаваемых Всесоюзной Академией Наук, уже закончена и выйдет в недалеком будущем в свет „История испанской литературы“, которая явится не только первой подобной книгой на русском языке, но и первым построением истории литературного процесса в Испании на марксистско-ленинских основаниях. Наконец, историки дали нам изображение отдельных периодов истории испанского народа и ряда важнейших революционных движений на полуострове, а музыковеды познакомили нас с развитием испанской музыки. В последние годы работа во всех этих областях приняла особенно оживленный характер.

Немало было сделано и в области языка, который стал теперь предметом систематического изучения в Ленинградском университете. Но лингвистический участок испанистики в научно-исследовательском плане продолжает все же еще отставать от литературного, и только в самое последнее время работа здесь стала налаживаться. А между тем испанский язык, да и другие языки Пиренейского п-ова представляют собой богатейшее и интереснейшее поле как для лингвиста-теоретика, так и для лингвиста-историка. Не забудем прежде всего, что испанский язык является родным или вторым языком для 85 миллионов, португальский или его диалекты — для 53 миллионов человек; я не говорю уже об огромном числе людей, которые в той или иной мере понимают их. Оба эти языка занимают, таким образом, одно из самых видных мест в ряду таких крупнейших языков мира, как английский, русский, японский или китайский. Но что особенно ценно для лингвиста — это их распределение на поверхности земного шара. Только 24 миллиона с небольшим говорит на испанском в самой Испании и на Канарских о-вах и только около 7 миллионов по-португальски в Португалии, на о. Мадере и Азорских о-вах. Вся остальная масса говорящих на этих языках разбросана по всему миру. Они широко распространены в южной и центральной Америке, на Антильских о-вах, в целом ряде поселений, расположенных по берегам Африки и Южной Азии. В южной половине Атлантического и Тихого океанов и в Индийском океане они являются орудием общения огромных масс населения. Изучение распространения этих языков представляет, таким образом, огромный интерес как с точки зрения процесса образования мировых языков, в данном случае происходящего как бы у нас на глазах, и их роли, так и с точки зрения возможности ретроспективных заключений по аналогии, поскольку распространение, напр., испанского бросает известный свет на распространение латыни вокруг бассейна Средиземного моря и формирование романских языков. Но изучение испанской и португальской экспансии подводят и к другому теоретически важному вопросу, вопросу о языковом смещении, так как оба эти языка проникли на территории, занятые языками совершенно иных систем, как, напр., в Перу или Чили. В результате, с одной стороны, получилось просачивание в европейские языки некоторых элементов языков туземцев, и не одних только элементов лексических, а с другой стороны, — под влиянием испанского и порту-

гальского складывались языки так называемого креольского типа. А эти новообразования являются не только важным объектом лингвистического анализа сами по себе, но они ценны и для понимания того, что происходило, напр., в области латинского языка на известном этапе его истории.

Впрочем к интереснейшим теоретическим и историческим проблемам приводит нас и изучение лингвистических отношений на самом полуострове. Если придерживаться хронологического порядка, то внимание исследователя привлекают прежде всего баски, язык которых является отголоском языка древнейшего населения Иберии. Его своеобразный склад раскрывает перед нами очень архаическую систему мышления и его выражения, которая сама по себе исторически очень любопытна и характерна. Но советского исследователя баскский привлекает не только как речевой тип; работы Н. Я. Марра конкретизировали прежде несколько туманно намечавшиеся связи этого языка с яфетическими языками Кавказа и нашли ему в кругу их определенное место. Марром дан целый ряд новых объяснений баскских терминов, но объяснений, построенных не на формальных звуковых совпадениях слов, взятых изолированно и могущих иметь, поэтому, случайный характер, а на целой системе фонетических соответствий, извлеченных им из сравнительного изучения языков яфетической группы. Казалось бы — очень далекий от нас язык, баскский, оказывается в известном смысле особо нам близким.

Огромной важности проблемы возникают также в связи с арабским завоеванием. Язык романского населения, оставшегося в пределах занятой арабами территории, или так называемый мосарабский, дает богатый материал для анализа модификаций языка в иноязычном окружении и является, следовательно, ценным объектом для изучения одного из капитальных вопросов общего языкознания. Но исследования Менéndеса Пидалья показали также с полной несомненностью, что только с помощью мосарабского мы можем осветить наиболее темные и запутанные страницы истории языковых отношений ранней средневековой Испании, так как мосарабский позволяет установить связь между западными и восточными областями полуострова, составлявшими некогда в значительной мере единое целое, нарушенное продвижением с севера на юг Кастильи и ее языка, сложившегося в непосредственном соседстве с баскской территорией и принесшего с собой в глубь Испании новые языковые навыки и тенденции. Применение географического метода оказало огромные услуги анализу этого сложного вопроса испанистики.

Наконец, самый процесс превращения языка Кастильи в общелитературный и затем национальный язык Испании представляет собой очень яркую иллюстрацию к развитию аналогичного процесса в других странах Европы, аналогию, дающую однако очень много своеобразных черт, крайне важных для более отчетливого понимания параллельных фактов европейской истории.

Я отметил бы в заключение проблему каталанского и его связей с галло- и иберо-романскими языками, к которой обратились в своих недавних работах Мейер-Любке и Гриера, обновившие таким образом

контроверзу, как будто уже улегшуюся. И наконец — вопрос о правах романских и нероманских языков Испании. Для советского языковеда относящиеся сюда факты — один из характерных образчиков языковой политики и разрешения национального вопроса в буржуазном государстве.

Я полагаю, что не стоит умножать наши примеры. Мне кажется, что и приведенные достаточно убедительно говорят о том, насколько богатый и увлекательный материал дает советскому исследователю изучение пиренейского языкового материала как в плане общего, так и специального языкознания.

Желанием пойти навстречу интересующимся у нас испанистикой и помочь им разобраться в некоторых ее вопросах и продиктованы настоящие очерки. По мысли автора они должны явиться некоторым введением в углубленное ее изучение. Под этим я разумел введение в историю языка. Я считал излишним давать историческую грамматику, так как мы имеем уже целый ряд подобных работ разного типа: от работ справочного характера вроде соответствующих глав в „Grundriss“ Гребера, написанных такими крупными испанистами, как О. Байст, Ж. Корню, А. Морель-Фасьё и Ж. Саройанди, и до специальных курсов или руководств. Старо-испанскому посвящен „Elementarbuch“ А. Цаунера, старо-португальскому — вышедшее недавно в той же серии, но несколько более сырое, руководство И. Губера; для испанского вообще мы имеем толковую обстоятельную историческую грамматику Ф. Ганссена и классическое руководство Р. Менéndеса Пидалья. Для каталанского можно пользоваться теперь полезной, но местами спорной исторической грамматикой старо-каталанского А. Гриеры и очень ценной по обилию материала, но возбуждающей ряд сомнений в своих выводах работой Мейера-Любке. Из одного только этого перечня ясно, что наш испанист располагает довольно значительным количеством пособий, которые могут ознакомить его с историческим развитием строя языков Пиренейского полуострова. Но совсем иная картина станет перед ним, если он будет искать литературу по истории языка, и притом истории на всем протяжении его развития. Первой работой, с которой он столкнется, будут, конечно, известные „Orígenes del español“ блестящего знатока испанского языка и литературы, главы испанских филологов, Р. Менéndеса Пидалья. Но пока вышел только I том этой книги, надежнейшего руководства в области истории испанского языка, к которому обращается каждый занимающийся ею, на которую постоянно ссылаюсь и я, и этот I том доводит нас до XI в.; притом замечательный труд Пидалья является одновременно и исследованием, и собранием материала, а потому его приходится не столько читать, сколько изучать. Для последующих периодов истории испанского имеется ряд отдельных работ, но нет попытки свести материал в одно целое. Правда, для того чтобы дать историю языка типа „Orígenes“, необходимо проделать еще огромную предварительную работу, осуществить которую сейчас невозможно. Тем более немислимо это в отношении каталанского и галисийско-португальского. Но потреб-

ность в общем ориентирующем историческом введении вполне законна, а потому естественно и удовлетворить ее. Это обусловило план наших „Очерков“. Именно „очерков“, так как давать что-либо большее на данном этапе состояния испанистики и португалистики значило бы обещать неосуществимое.¹

Порядок „Очерков“ подсказан исторической точкой зрения. Очерк, посвященный баскскому, как живому свидетелю языковой жизни полуострова в до-римский период, занимает первое место. В центре стоит очерк испанского, к которому примыкают очерки каталанского и галисийско-португальского. Последний составляет заключительную часть книги, так как он связан с историей португальского языка, не являющегося языком Испании. Тем не менее часть глав четвертого очерка посвящена португальскому, ибо было бы досадным пробелом в книге, если бы ему не было в ней вовсе отведено места.

Как уже было сказано выше, „Очерки“ задуманы как введение в углубленное изучение испанистики или, если угодно, языков Пиренейского п-ова. Они рассчитаны, поэтому, на читателя, элементарно подготовленного не только в смысле знания соответствующих живых языков, но и в смысле общей лингвистической (или, по крайней мере, романистической) осведомленности. Отсюда характер изложения, который может показаться местами слишком сжатым. Имея в виду определенный тип читателя, я позволил себе, действительно, быть кратким там, где речь идет о явлениях языка; страницы, дающие исторические или историко-литературные справки, без которых нельзя обойтись в книге, посвященной истории языка, и в первую очередь языка литературного, изложены более обстоятельно: я не мог предполагать соответствующих знаний у читателя-лингвиста, тем более, когда речь идет об истории или литературе таких стран, как Испания или Португалия.

Как только что было сказано, центральное место в книге отведено литературному языку; однако везде, где это было возможно и нужно, принимался в расчет и живой диалект. В изложении не учтены только языки Латинской Америки. Но я надеюсь в близком будущем восполнить этот пробел отдельной статьей.

То обстоятельство, что синтаксис представлен в книге слабее морфологии и фонетики, объясняется состоянием исторического изучения испанского языка в данный момент. Я не мог, конечно, заниматься *ad hoc* специальным исследованием ряда синтаксических вопросов.

¹ Почти одновременно с окончанием моей работы (законченной зимой 1937 г. по заданию ИЯМ) появилась в свет книга английского испаниста В. Энтуистла (*The Spanish language*, Лондон, 1936, в серии „The great languages“). Она стала мне доступной значительно позже и могла быть учтена только кое-где в примечаниях. Книга эта приближается к типу „истории языка“, но история занимает в ней довольно скромное место, основные этапы истории языка выделены недостаточно четко, очень краткий очерк баскского не учитывает яфетического материала. Что же касается теоретических установок автора, то они, по его собственному признанию, совпадают со взглядами О. Есперсена (в „*Growth and structure of the English language*“, Лейпциг, 1935) и В. ф. Вартбурга (в „*Evolution et structure de la langue française*“, Лейпциг, 1934). Ни те, ни другие мною не разделяются целиком.

Учитывая задачи „введения“, я старался всегда приводить литературу трактуемых вопросов, но отнюдь не претендовал на то, чтобы исчерпать ее. Мне казалось это ненужным, а с другой стороны, это было и невозможно по состоянию наших библиотек. Библиотека иностранной литературы в Москве только в самое последнее время оказалась обладательницей значительного испанистического фонда. Таким образом мне остались недоступными, напр., работа J. J. Nunis „Gramática histórica portuguesa“ (Лиссабон, 1919) и „Lições de filologia portuguesa“ J. Leite de Vasconcellos (Лиссабон, 1926).

В целях наглядности книге придано несколько приложений. Прежде всего несколько образцов древних текстов; затем картографический материал, иллюстрирующий географическое расположение ряда важных языковых явлений на территории полуострова или фактов, имеющих отношение к истории языка. Соответствующие карты позволяют нам установить, между прочим, центры иррадиации того или иного фонетического процесса и пути его постепенного распространения. Карта баскско-испанской пограничной языковой зоны иллюстрирует борьбу между баскским и испанским в этой области. Карта арагоно-каталанского рубежа демонстрирует постепенный переход от арагонского к каталанскому. Для облегчения географической ориентировки в приложении дана и политическая карта Пиренейского п-ова до 1937 г.

Указатели имеют в виду облегчить наведение справок. Так как целый ряд названий и имен приводится в тексте книги в русской транскрипции, то их пришлось давать в том же виде и в указателе, и, в зависимости от удобства, то вливать русский алфавит в латинский, то наоборот. Указатель слов, приводимых в „Очерках“, составлен О. К. Васильевой, за что я считаю своим долгом принести ей свою благодарность, равно как и за помощь в оформлении издания книги.

Декабрь 1940 г.

В. Шишмарев

Лингвистическая картина, которая разворачивается перед нами на Пиренейском полуострове, представляется довольно сложной и пестрой. По числу говорящих на нем и по богатству существующей на нем литературы первое место среди языков полуострова принадлежит испанскому или, как его называли и продолжают еще называть, — кастильскому. За ним стоят португальский, каталанский и баскский. Первые три, как и кастильский, принадлежат к группе романских или неолатинских языков; баскский стоит особняком; поэтому наш первый очерк мы и посвящаем баскскому.

БАСКСКИЙ

1

Наиболее ранними обстоятельными сведениями о баскском населении полуострова мы обязаны греческим источникам, так как греки были первыми, кто попытался не только собрать, но и комментировать их.

По сообщениям греческих писателей греки очень рано, вероятно по следам финикийцев, добрались до „столпов Геракла“, финикийских „столпов Мелькарта“. Но это были, скорее всего, отдельные экспедиции, едва ли надолго задерживавшиеся в стране. Более близкое знакомство греков с полуостровом относится ко времени после основания близ устьев Роны фокейского поселения Массилии, нынешней Марсели (ок. 600 г.), и ряда колоний массилиотов на средиземноморско-испанском побережье, каковы Гемероскопий (позднейшая Дения, южнее Валенсии), Алонь (на противоположной, южной, стороне того же берегового выступа), Роды и Эмпории (нынешние Росас и Ампуриас в Каталонии). Рассказы греческих моряков, купцов и поселенцев были использованы затем историками и географами и стали, таким образом, достоянием античной литературы.

Занятую ими территорию греки называли Гесперией, т. е. западной страной, или Иберией. С течением времени, познакомившись с полуостровом ближе, они, а вслед за ними и античная литература вообще, стали различать на нем до пяти основных областей: юго-запад, или Тартессиду, запад, прилегающий к океану и занятый, между прочим, народом луситанов, юго-восток или Мاستиену, центральные части или Кельтику и, наконец, Иберию в тесном смысле слова. Все эти термины связаны, очевидно, с названиями местных племен, с которыми пришлось столкнуться грекам. Сведения их о тартессах принадлежат более древнему слою их географических познаний. О тартессах знает, повидимому, уже Библия,¹ так как южные области полуострова были той

¹ Тарсис — см. Бытия, X, 4; Псалт., XXII, 10; Исаия, XXIII, 6; LXVI, 19. Тексты античных писателей, касающиеся Тартессиды, см. у Н. D'Arbois de Jubainville. *Les premiers habitants de l'Europe*, I, 48.

его частью, которая привлекала издавна внимание чужеземцев, искавших поживы и объекта эксплуатации. Тартессы слыли в древности народом культурным и богатым; как о „богатом“ народе говорит о них Авиен (IV в.).¹ Юг обладал большими залежами серебра и меди. Другой южно-пиренейский народ, турдетаны (в области нын. Севильи), имел репутацию образованных людей; им приписывается один из иберийских алфавитов; они вели летописные записи, у них были поэты; они облекали в стихотворную форму свои законы.² Совершенно естественно, поэтому, что финикийцы, а позже и вызванные ими на помощь пунийцы-карфагеняне обосновались именно в этой части полуострова, что на юге находился политический и торговый центр финикийцев, Гадир-Гадес (нын. Кадис), что, по словам Страбона, в жилах населения многих городов Турдетании текла финикийская кровь, что Малака (ныне Малага) сохраняла долго совершенно финикийский облик³ и что во времена Птолемея жители 11 южно-испанских городов были потомками финикийских колонистов.⁴ На юге пытались утвердиться и греки,⁵ и опять же юг занимал первое место среди испанских провинций в римскую пору.

Восточное побережье, Иберия, более близкое к их базе, Роданезии, вознаградило греков за неуспех на юге; при ближайшем знакомстве Иберия оказалась далеко не безвыгодным для эксплуатации краем: железо, кожа, шерсть и крепкие выносливые рабы представляли собой немалую ценность. Гораздо менее многочисленные, нежели финикийцы, и сравнительно недолго занимавшие эти области греки не проникали особенно далеко в глубь материка, ограничивая свои операции прибрежной полосой; это было, впрочем, обычной их системой. Таким образом они не оставили нам более детальных сведений о населении внутренних областей полуострова.

Термин „Иберия“, употреблявшийся греками для обозначения иберийского полуострова вообще, вероятно, такого же типа, как французское *Allemagne*. Название „иберы“, подобно *allemands*, было первоначально, несомненно, именем одной только этнической группы, с которой греки были ближе знакомы, так как постоянно приходили с ней в соприкосновение. С этим термином связано, конечно, и название реки Ибер-Эбро, подобно тому как название секванов, живших в эпоху Цезаря на левом берегу Сауконны-Соны, с Сэкваной-Сеной,⁶ гарумнов с Гарумной-Гаронной, дакийских тиритов на Днестре с Тирасом-Днестром или сиканов с Сиканом-Хукараром в Испании.⁷

В представлениях древних тартессы и Тартессада представляют собой особый мир, хотя и связанный лингвистически с иберским. Некоторые исследователи, современные нам, видят в тартессах ливийцев, предваривших иберов на полуострове, но в дальнейшем скоро иберизовавшихся, а впоследствии легко капитулировавших перед пунийцами

¹ Avienus. *Ora maritima*, 423. — Он же. *Descr. orbis terr.*, 479. — *Geogr. min.*, I, 203. — Strab., III, 4, 19.

² Strab., III, 1, 6.

³ Strab., III, 2, 13; 4, 2; 5, 1.

⁴ Ptolem., II, 4, 6.

⁵ На месте нынешней Малаги фокейцы основали Менаку, наиболее южную греческую колонию.

⁶ H. Gröhler (*Ueber Ursprung u. Bedeutung frz. Ortsnamen*, I, Гейдельберг, 1913, 13—14), возводящий название секванов к названию реки, видит в последнем лигурийский термин, ибо гальский язык заменяет q — p. Н. Я. Марр напоминает, что никогда в праисторические эпохи этнический термин не восходит к обозначению реки, и толкует Sequan путем яфетических сопоставлений как этрусский (N. Marr. *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges*, Прп., 1922, 22—26, 43).

⁷ Там же.

и римлянами.¹ Иберы представляются народностью более энергичной, способной к экспансии, а потому широко распространившейся на юге Европы. Древний марсельский перипл, источник „Ora maritima“ Аввиена, называет иберами народы, живущие на восток от р. Хукар² и в пределах нынешней Каталонии. Но он говорит и о их распространении в южной Галлии до р. Орана.³ Фокейские поселения в устьях Роны и Геро считались находящимися в Иберии.⁴ Как известно, Цезарь отличал аквитанов от галлов-кельтов и считал Аквитанию особой областью Галлии, наподобие Бельгии. Страбон (I в. н. э.) утверждал, что аквитаны родственны кантабрам, но отличны от васконов, и что они не только физически, но и по языку ближе к иберам.⁵

На связь между южной Галлией и Пиренейским п-ом указывает и топонимика. Илиберрис, напр., является названием поселения в Нарбоннской Галлии и в южной Испании, Бетике (нын. Андалусии), т. е. уже в Тартессиде. Аста имеется в деп. Нижних Пиренеев и в той же Бетике. Сравним народ бигеррионов в нын. Бигорре и Бигорру в Бастиании, Нариссу в Аквитании и в Бетике, Илурон (Олорон) в Нижних Пиренеях и в Бетике, французскую Тулузу и ряд населенных мест, носящих название Толоса, в Испании. Название „аквитаны“ (Аквитания) содержит в себе элемент „тан“, необычайно широко распространенный в древних названиях народностей на Пиренейском п-ове и разъясняемый Н. Я. Марром как яфетический суффикс мн. ч.;⁶ ср. турдетаны, бастианы, луситаны и т. п. С тех пор как римляне проникли в глубь полуострова, древние географы и историки, а следовательно и мы, получили возможность познакомиться ближе с народностями и племенами, жившими вдали от моря, с рядом неизвестных до той поры населенных мест, и это позволяет подтвердить множество примеров широкого распространения терминов, связанных с иберами и иберским языком в Галлии и одновременно в Испании.

Вот эта-то топонимика на ряду со старо-иберской ономастикой и привлекла внимание В. Гумбольдта, который первый попытался истолковать ее и в то же время научно осветить вопрос об отношениях баскского к иберскому, т. е. доказать положение, естественное на первый взгляд, высказанное еще в XVII в. А. Ойенартом, но не подтвержденное серьезно фактическими аргументами.⁷ Отметим попутно, что Гумбольдт указывал между прочим на наличие иберов и в других областях Средиземноморья. Пересмотр работы Гумбольдта полвека спустя показал непрочность некоторых его лингвистических толкований, но правильность основной линии. Однако очень скоро стали делаться попытки расширить центральный тезис немецкого исследователя. Подвергнув критическому рассмотрению материал и метод Гумбольдта, А. Люшер пришел к выводу, что во всех областях Испании имеются имена, легко объяснимые с помощью баскского, что баски и иберы

¹ Такова, напр., точка зрения Е. Philipon (Les Ibères, Париж, 1909).

² Впадает в Средиземное море к югу от Валенсии. Хукар стекает с центрального иберийского плоскогорья, Месеты.

³ Ныне Lez, на которой стоит Монпелье.

⁴ Geogr. gr. min., I, 204 (Псевдо-Скимн, 208).

⁵ Οἱ μὲν δὲ τριῇ διήροον Ἀκυιτανούς καὶ Βέλγας καλοῦντες καὶ Κέλτας, τοὺς μὲν Ἀκυιτανούς τελείως ἐξηλλαγμένους οὐ τῇ γλώττῃ μόνον ἀλλὰ καὶ τοῖς σῶμασιν ἐμφέρεϊς Ἰβήροι μᾶλλον ἢ Γαλάταις (Strab., IV, 11; 2, 1).

⁶ Язык и общество. Избр. раб., III, М.—Л., 1934, 27.

⁷ A. Oihenaar. Noticia utriusque Vasconiae tum ibericae, tum aquitanicae..., 1638. — W. v. Humboldt. Prüfung d. Untersuchungen über d. Urbewohner Hispaniens vermittelt d. Vask. Sprache. Берл., 1821. Ср. также его „Ueber d. Cantabrische oder Baskische Sprache“ (Берлин, 1817). — Adelung. Mithridates, IV, 1817, 257—360.

родственны и что баскский является последним представителем иберской лингвистической группы, некогда распространявшейся на всю Испанию и на Аквитанию.¹ На связь иберо-баскского с Аквитанией указывают, по его мнению, не только данные надписей и топонимика, но и ряд параллельных явлений в гасконском и баскском. Так, в обоих языках отсутствует *v*, *f*, начальное *r*, имеются выпадение интервокального *l* и, наконец, лексические точки соприкосновения. Отмечает Люшер и тот характерный факт, что во многих частях Аквитании, где давно уже не говорят по-баскски, сохраняется топонимика, без труда объясняемая баскским, в особенности в горах, между тем как на равнине мы встречаем местные названия исключительно кельтского или латинского происхождения.² Для иллюстрации того, насколько баскский помогает нам разобраться в гальской и испанской топонимике, приведу несколько примеров.

Илиберрис (впоследствии Эльвира-Гранада), или его варианты Ириберри, Улиберри, представляет собой сочетание *iri* 'город' и *berri* 'новый'; след. новгород, новое поселение, греч. Неаполис и т. п. Бигорр, Байгорри и т. п. состоит из (*i*)*bai* 'река' и *gorri* 'красный'. Название каталанской реки Льобрегат отражает латинское *Rubricatum* (*flumen*), т. е. 'красная река', очевидно перевод некогда существовавшего названия *Baigorri*. С *gorri* связано и Калагуррис (Нассика), древнее название нынешнего Калаорра (*Calahorra*) или *Ligüerre* (? + *gorri*) и *Lascuarre* (*latz* 'ручей' + *gorri* 'красный'); с *ibai* — Байонна, 'хорошая река'. В адаптированном виде стоит перед нами *iri-berri* в *Lumbier*, очевидно *irum berri*. В Галисии мы имеем римское поселение *Iria Flavia* 'город Флавиев', подобно тому как латинизованное *Gracurris* является комбинацией *Gracchus* и *iri*, т. е. 'Тракхов город'. В эпоху романизации возникли такие гибридные образования, как *Montiberri* = *Monte* + *berri*, где *monte* переводило местное *iri*, поскольку город ставился обычно на возвышенности, являясь укрепленным пунктом.³ Современное Лэрида, кат. Льейда, старое *llerda*, вероятно — *ll-erda* 'город чужой, не свой'. Баск. *eche* 'дом' мы находим в *Javier* 'Шавьер' = *eche berri* 'дом новый'. Близ каталанской же границы мы встречаем *Aragües*, баск. *ara-otz* 'долина холодная'. Первое слагаемое повторяется в *Araduey* (Леон) = *ara* + *doi* (*toi*); это то, что испанцы называют *tierra de campos*.⁴ Ряд испанских местных названий на *-uas*, *-ues* или *-ue*, *-uy*, *-ou* отвечают баскским на *-otz* 'холодный' и *-toi*, *-doi*.⁵ Название одной горы, *Oros-peda*, представляет собой баск. *oros-pide* 'телячья дорога', 'тропа'; другая гора, *Iru-beda*, есть баск. *idi-b/pide* 'воловья дорога, тропа'.

Возражения против основного тезиса Гумбольдта (и Люшера) опирались на то, что мы об иберском ничего не знаем. Ж. Венсон⁶ и ван Эйс⁷ утверждали, что термин „ibérique“ ничего не говорит, так как он

¹ A. Luchaire. Remarques sur les noms de lieux du Pays Basque. 1874. — Ср. его же. Les origines linguistiques de l'Aquitaine, 1877.

² Это было отмечено еще Cl. Fauriel (Hist. de la Gaule méridionale, II, App. II).

³ Ср. кельтские местные названия на *-briga*, означающие укрепления, имеющиеся и на Пиренейском п-ове и отчасти возникшие на местах старых иберских *iri*. Это *briga* обозначает первоначально возвышенность. Как *monte*, так и *briga* воспроизводят, может быть, позднейший оттенок *iri*, если первоначальным значением последнего считать вместе с Н. Я. Марром „круг“ (Н. Я. Марр. Иштарь. Избр. раб., III, 1927, 327).

⁴ Т. е. плодородная местность (*doi* собств. лес). См. R. Menéndez Pidal. Sobre las vocales ibéricas e y o en los nombres toponímicos в Rev. fil. esp., V, 1918, 225 сл.

⁵ Как напр. *Haltz-toi*, *Haritz-toi* (= Дубровник) и мн. др.

⁶ J. V i n s o n. Polémiques sur les origines et les antiquités basques в Mélanges de linguistique et d'anthropologie (par A. Hovelacque, E. Picot et J. Vinson). Париж, 1880.

⁷ W. J. v. E y s. Outlines of Basque grammar. 1883, XII.